

Именно поэтому, общаясь с теми самопровозглашенными высшими созданиями, чьи манеры на поверку оказывались на редкость вульгарными, он постоянно ловил себя на мысли просто прикончить их.

Каждый разговор истощал и без того скудные запасы его терпения.

Аполль закрыл глаза и погрузился в созерцание внутреннего покоя, унимая разбушевавшееся из-за людей раздражение. Когда он вновь открыл веки, в его бледно-дознавых зрачках мелькнул необычайно прекрасный отсвет, отчего случайно заметивший это Му Хуэйфэн на мгновение замер.

Аполль не обратил внимания на вороватый взгляд Му Хуэйфэна и холодно бросил своему рабу:

— Ступай вниз, скоро за тобой придут.

В конце концов, они принадлежали к разным расам, и если люди желали убивать себе подобных, Аполль не собирался этому препятствовать.

Му Хуэйфэн кивнул и отошел в дальний угол помещения, подальше от Аполля.

Пока Му Хуэйфэна уводили, Аполль хранил молчание, но перед самым его уходом Му Хуэйфэн заметил, как губы божества войны зергов шевельнулись — казалось, он что-то произнес.

Му Хуэйфэн прищурился и в тот самый миг, когда двери автоматически захлопнулись, по движениям губ прочел его фразу:

«Если сумеешь выжить, возможно, я даже запомню твое имя».

Пожалуй, это был первый раз, когда божество войны зергов проявило к человеку столь недвусмысленную эмоцию.

Я непременно выживу, — подумал про себя Му Хуэйфэн.

Точно так же, как он неизменно верил в другое: единственным, кто сможет убить Аполля, станет он сам.

Русалка Синь

Звуки шагов разнеслись по тускло освещенному коридору. Внутри пиратского корабля «Одинокий сокол» всё напоминало логово демонов.

Они зажигали свет лишь по крайней мере необходимости и предпочитали полумрак, словно ночные птицы от рождения, промышляющие темными делами втихомолку.

А за тем, чтобы во внутренних отсеках не происходило никаких непредвиденных ЧП, следила автоматическая система корабля, неусыпно контролировавшая каждого на борту.

В последнее время на судно прибыло немало человеческих аристократов. Чтобы не вызывать недовольства у столь высокопоставленных персон, которые до безумия дорожили своей неприкосновенностью, комнаты отдельных знатных гостей перевели в режим полной изоляции.

Хотя пираты «Одинокого сокола» прекрасно понимали: никакая это не забота о личной жизни,

просто эти господа не желали, чтобы кто-то со стороны увидел их истинные, гнусные лица. Но поскольку пиратам еще предстояло промышлять на этих путях и им требовалось, чтобы аристократия прикрывала их художества перед лицом Империи, они делали вид, будто ничего не замечают, и старались не гневить высокородных господ.

Му Хуэйфэн шел следом за проводником, внешне ничем не отличаясь от обычного раба, но на самом деле в этот момент он обдумывал информацию, собранную за последние дни.

Тому, что пираты «Одинокого сокола» столько времени бесчинствовали на просторах космоса, немало способствовали именно те аристократы, что получали от них приглашения.

В памяти генерала хранились досье на всю имперскую верхушку. Опираясь на прежние сведения, он с легкостью узнавал каждого знатного гостя, связанного с пиратами.

Из-за того, что кровь этих людей была не столь чистокровной, они, в отличие от столпов высшей знати, не могли с первого взгляда узнать однозвездного генерала своей страны.

В лучшем случае они мельком видели Му Хуэйфэна издали на каком-нибудь приеме, а остальное дорисовывало воображение. Так что бывший генерал, превратившийся в раба и почти не изменивший имя, совершенно не боялся разоблачения.

К тому же он понимал: если эти аристократы и помогали пиратам «Одинокого сокола» скрываться от имперской погони, то, скорее всего, лишь потому, что пираты регулярно предоставляли им всевозможные услуги. Это позволяло знати предаваться запретным наслаждениям, приносящим лишь временное облегчение, подобно утолению жажды ядовитым вином.

Пьянящее чувство абсолютной власти над чужими жизнями — когда решение убить или помиловать принималось по малейшему капризу — приводило в восторг этих аристократов, обладавших лишь крохами благородной крови и зажатых на самой периферии имперского влияния.

Быть может, именно такое подвешенное и до крайности щекотливое положение и порождало безумие в их душах.

Му Хуэйфэн помрачнел и отбросил мысли с оценкой аристократии.

Он был некоронованным королем военного ведомства, но именно поэтому ему меньше всего следовало выказывать недовольство аристократическим классом во главе с императорской семьей.

Это был вопрос политического расчета, но порой именно такие компромиссы становились почвой, на которой заквашивались конфликты.

Особенно... когда Му Хуэйфэн вспоминал ту донельзя нелепую и мучительную смерть...

Он чувствовал, что решения, которые ему предстояло принять в дальнейшем, будут кардинально отличаться от прежних.

Приняв решение, Му Хуэйфэн перешагнул порог камеры, отделенной от арены для боев лишь тонкой стеной.

Когда слабый свет, исходивший от самого корабля, упал на макушку Му Хуэйфэна, каждая

прядка его волос показалась черной и притягательной, словно погрузившейся в звездное сияние ночи. Такая короткая стрижка среди подвергшихся генной модификации узников выглядела диковинной роскошью.

Поскольку для них это было недостижимой мечтой на всю оставшуюся жизнь, и поскольку они уже перестали быть людьми, при каждом приближении Му Хуэйфэна заключенные инстинктивно пятились назад, отступая на предельное расстояние.

Му Хуэйфэн остановился и обвел взглядом камеру.

Здесь содержались все те рабы, которых аристократы уже забрали себе; лица их были искажены страхом и тревогой, а тела выглядели нездоровыми.

Он также заметил, что многим рабам с трудом удавалось сводить ноги вместе, и каждое движение отзывалось на их лицах выражением жуткой боли.

Такая реакция, по которой сразу становилось понятно, что именно здесь происходило, заставила его умолкнуть. Сам по себе он не отличался молчаливостью, но в подобной ситуации он решительно не знал, что и сказать.

— О, опять ты!

Сладкий и чарующий, подобно морскому прибою, голос раздался из водяного резервуара, где русалка махала ему рукой.

Неземная красота на мгновение перенесла Му Хуэйфэна к морю, где обитала русалка.

Смена обстановки заставила Му Хуэйфэна замереть. Он моргнул, и бескрайняя лазурь отступила — он обнаружил, что по-прежнему находится среди рабов, и вокруг ничего не изменилось.

Неужели то была галлюцинация? — невольно подумалось ему, но тут же он жестко отсек эту мысль: нет, то определенно не было иллюзией.

Раз уж в сердце закралось сомнение, Му Хуэйфэн решительным шагом направился к резервуару с русалкой — стоило расспросить обо всем напрямую.

А русалка, казалось, заранее предугадала его действия, озарив лицо легкой улыбкой.

— Это ты только что сделал? — спросил Му Хуэйфэн.

— Твоя духовная сила стала еще сильнее, чем при нашей прошлой встрече, так что я не удержался и решил испытать ее.

Русалка Синь с улыбкой шевелил руками в воде, и чешуйки на его теле переливались дивной, необычайной красотой.

Му Хуэйфэн на мгновение задумался:

— Ты что-то почувствовал еще заранее?

Синь кивнул и охотно пояснил:

— А знаешь, почему я вообще заговорил с тобой при первой встрече?

Му Хуэйфэн покачал головой — это загадка так и осталась для него неразгаданной.

Синь усмехнулся и объяснил:

— Голос русалки от рождения наделен магией. Твоя духовная сила, даже без навыков управления ею, способна противостоять моей непроизвольно сочащейся ауре, поэтому я и смог с тобой разговаривать.

Му Хуэйфэн нахмурился, переключившись на другой вопрос:

— Так вот почему ты вечно ни с кем больше не общаешься?

— Разумеется, — Синь ответил без тени удивления: — Их духовная сила слишком слаба, мой голос просто разрушит их мозг.

— А как же остальные? — Му Хуэйфэн оглянулся на рабов и вспомнил их первую встречу. — Разве в таком случае они не подвергаются воздействию?

Синь постучал по прозрачной стеклянной стенке резервуара и невозмутимо произнес:

— Думаешь, те, кто поймал меня, не предусмотрели эту проблему? Этот аквариум сделан из материала, подавляющего духовную энергию. Пока я не пытаюсь заговорить с ними напрямую, моя сила рассеивается бесцельно, и эти люди максимум почувствуют легкое недомогание, но не умрут.

С этими словами цвет глаз русалки сменился на бледно-фиолетовый, глубоко запечатлев в себе фигуру Му Хуэйфэна.

— Но стоит захотеть пообщаться со мной так, как это делаешь ты, и духовная сила устремится вперед с бешеной силой, словно найдя заветную цель. Так что, не обладай ты столь прочным духовным барьером, любой другой на твоём месте, услышав мои слова, давно бы отдал концы.

— ...

Му Хуэйфэн и раньше догадывался, что русалки — существа опасные, но он никак не ожидал, что до такой степени. Всего лишь пара сказанных слов...

— Бьюсь об заклад, сейчас ты мысленно ругаешь меня, считая куда более жутким, чем я выгляжу.

Внезапный голос Синя заставил Му Хуэйфэна, погруженного в собственные размышления, вздрогнуть от неожиданности. Он испуганно посмотрел на него, едва не поверив, что эта русалка владеет телепатией.

Синь развел руки в стороны, выглядя при этом слегка озадаченным.

— Ничего не поделаешь, мы, русалки — владыки морских глубин. Не будь у нас самых разных способностей, обитатели океана давно бы стерли наш вид с лица земли. Впрочем, к чему об этом? Скажи лучше, что с тобой произошло в последнее время?

Му Хуэйфэн опешил, в глубине его глаз промелькнуло любопытство:

— Что ты имеешь в виду? — Неужели эта русалка что-то разглядела?

Постучав пальцем по губам, Синь без тени сомнения произнес:

— Твоя духовная сила стала еще мощнее, чем при первой встрече. По своим показателям она едва ли уступает известным мне русалкам... Нет, ее уровень уже сопоставим с моим! Так что же с тобой стряслось? Как объем, так и качество духовной энергии могли возрасти столь стремительно?

Му Хуэйфэн на мгновение умолк, а затем поведал этой казалось бы всезнающей русалке обо всем, что произошло в Сетке.

Выслушав его рассказ, Синь впервые за все время изобразил на лице крайнее изумление.

— У тебя просто колоссальная смелость!

Му Хуэйфэн опустил голову: *Да уж, я и сам так считаю.*

— Безрассудство!

Он и знал, что услышит нечто подобное.

Синь плавным движением руки откинул назад плавающие в воде волосы, пару секунд подумал и обратился к понурившемуся и вроде бы раскаивающемуся Му Хуэйфэну:

— Нельзя позволять тебе и дальше заниматься такой самостоятельностью. Давай я научу тебя пользоваться духовной силой.

Му Хуэйфэн замер, с недоверием глядя на русалку. У всех обитателей морских глубин такие добрые сердца?

Вспомнив при этом, что его собеседник — всего лишь выставленный на продажу экспонат, которого обманом заманили в человеческое общество, Му Хуэйфэн тут же счел, что нашел ответ на все вопросы.

— Опять мысленно ругаешься, — заметил Синь.

— Ничего подобного!

Му Хуэйфэн с натянутой улыбкой попытался избежать пристального взгляда русалки. Вспомнив, как Синь угадывал его мысли всякий раз, когда он предавался раздумьям, он не удержался и с любопытством спросил:

— И это тоже проявление духовной силы?

Синь изогнул губы в улыбке:

— Духовная сила позволяет чувствовать самую суть мысли, но это лишь основы.

Му Хуэйфэн: «.....»

Иными словами, обретение духовной силы равносильно постоянному ношению при себе детектора лжи?

Слишком уж продвинутый способ применения!

Будучи представителем высшей и величественной расы, Синь, разумеется, не мог понять изумления Му Хуэйфэна. Он вкратце описал тренировки, которые проходил в детстве, но быстро понял, что для человека это абсолютно непосильные задачи. Прекрасная русалка немного помолчала и выдала совет:

— Хотя это и называется духовной силой, для вас, людей, она ближе к воображению. Можешь попытаться представить ее в том виде, который легче воспринимаешь. Полагаю, причина, по которой ты не можешь ею управлять, кроется в непонимании ее структуры.

Возможно, так оно и было.

Размышляя над словами русалки, Му Хуэйфэн подумал: шеф использовал духовную силу в Сетке, оперируя ею как массивом данных. Так как же тогда должен применять ее он сам?

Погруженный в раздумья, Му Хуэйфэн не заметил, как взгляд русалки наполнился живым интересом. Пожалуй, для этого обитателя глубин наблюдение за тем, как человек овладевает духовной силой, было не менее увлекательным занятием, чем воспитание собственного детеныша.

Не до конца понимая, кем именно он выглядит в глазах Синя, Му Хуэйфэн лицом к лицу столкнулся со своим первым противником.

Под поднявшийся вокруг гул голосов, пробуждавших в людях самые темные стороны, его вытолкнули на арену.

Шагнув за медленно отворившиеся тяжелые створки, он лишился возможности продолжить беседу с Синем. Охранники-пираты со звериным оскалом и насмешливыми ухмылками напомнили ему, что пора выходить.

Оказавшись перед сотнями зрителей, Му Хуэйфэн благодаря наставлениям русалки погрузился в состояние полупонимания — странную, зыбкую дремоту разума, вместо того чтобы ощущать гнетущее ментальное давление окружающей среды.

— Хлоп-хлоп-хлоп... — под потолком вспыхнули с десятков мощных софитов. Му Хуэйфэн инстинктивно зажмурился от слепящего света, прищурившись окинул взглядом трибуны. Нарочно раскачиваемые динамиками звуки, призывающие пробудить в людях зверя, по-прежнему подталкивали к безумию тех, кто в обычное время сохранял рассудок.

Му Хуэйфэн расставил ноги, выпрямился во весь рост и холодно посмотрел на ликующую толпу на трибунах.

Он чувствовал в себе невиданное доселе спокойствие.

Архитектура этого места до боли напоминала древние коллизеи из исторических хроник — арены, где люди и дикие звери сходились в схватке ради стяжания славы.

Однако то, что построили пираты, служило лишь одной цели — развлечению.

Гибли люди или звери, забавляло лишь тех, чьи инстинкты обычно подавлялись жесткими рамками.

— Начинайте! — «Давай же, начинай!»

Подобные выкрики неслись со всех сторон, но Му Хуэйфэн лишь с хладнокровным спокойствием смотрел снизу вверх на трехметровую черную медведицу. Изнуренная голодом и раззадоренная шумом, она яростно скалила зубы, издавая угрожающее рычание.

— Дамы и господа, уважаемые гости, прошу минутку внимания! Позвольте мне представить этого жуткого зверя на арене. Только полностью осознав всю жестокость предстоящего зрелища, вы сможете сполна насладиться этим представлением!

Голос ведущего привлек всеобщее внимание. Одетый в безупречный белый фрак, он указал рукой на горного медведя и с задором объявил:

— Горный черный медведь, мутант уровня А! На его поимку ушло трое мастеров телесного совершенствования шестого ранга и восемь — пятого. На счету этого зверя уже более десятка человеческих жизней! И теперь добычей, за которой охотится этот хищник диких гор, станет...

Зазвучала музыка. После серии напряженных аккордов прямой луч прожектора упал прямо на Му Хуэйфэна, и ведущий заорал во всю мочь:

— Вот этот раб!

В этот момент все присутствующие разглядели необычайно смазливую юношу и принялись — кто с сожалением, а кто с животной кровожадностью — вздыхать о том, что вскоре он превратится в корм для зверя.

Наконец ведущий произнес то, чего так долго ждала публика:

— Выпускайте нашего зверя! Пусть эта арена превратится в пиршество крови и смерти!

Древняя белая акула

В тот самый момент, когда черного медведя выпустили на арену, Му Хуэйфэн бросился бежать. Отстающий на шаг горный медведь стремительно сокращал дистанцию, и от его разъяренного, пышущего жаром дыхания казалось, будто у Му Хуэйфэна опаляет спину.

Выругавшись про себя, он резко свернул влево, уходя от сокрушительного броска зверя.

Как-никак, то была арена на космическом корабле, и как бы богаты ни были пираты, пространства катастрофически не хватало — в точности как в той камере, где они содержались вместе с русалкой в ожидании начала аукциона.

Тот факт, что русалку и остальных рабов тогда увели в одно время, означал, что их перевели в те помещения лишь ради удобства выдачи призов после торгов.

В столь критический момент Му Хуэйфэн все еще находился в том состоянии, когда мог позволить себе отвлечься на подобные размышления — иначе как смертником его назвать было нельзя.

Последствием мгновенной потери бдительности едва не стала гибель: смрадное дыхание из пасти медведя пронеслось в считанных миллионах от уха, и Му Хуэйфэн, поспешно рухнув на землю, кубарем скатился прямо между лап зверя.

Столь жалкое бегство мгновенно всколыхнуло в зрителях темные инстинкты. По трибунам

прокатилась волна грубой брани, чопорные маски слетели с лиц: многие аристократки срывали с себя драгоценности, швыряли веера и бешено размахивали руками, требуя, чтобы гигантский медведь разорвал раба в клочья, и в них не осталось и следа прежнего сочувствия к смазливому молодому человеку.

Му Хуэйфэн мысленно цыкнул языком: хотя он и знал, что вся эта аристократия — сплошные извращенцы, но питать страсть к подобным зрелищам... Лучше бы они отправились с ним бороздить космические просторы, там зрелища гарантированно куда кровавее!

Каждое сражение там — это бесчисленные вспомогательные корабли, разорванные в клочья вражеским огнем, и целые поля морских мин, образующие стальные океаны.

По правде говоря, выглядело это куда красивее и грандиознее подобных первобытных побоищ — словно фейерверк, распускающийся в темном небе. Стоило лишь мысленно отсечь витающий в ноздрях запах крови соотечественников, и картина казалась столь же прекрасной, сколь сцена признания в любви.

Му Хуэйфэн в очередной раз чудом увернулся от атаки медведя. Подобные маневры на грани фола, смахивающие на издевательство, казалось, окончательно рассвирепели огромного зверя. Мощные лапы скребли землю, из пасти вырывался белый пар, а в черных глазах бушевала чистейшая звериная ярость.

Припав к земле верхней частью тела, Му Хуэйфэн осторожно замер напротив зверя, бросив косой взгляд в угол арены, где остались огромные запекшиеся лужи крови. Кости и куски плоти убрали, чтобы не волновать зверя перед следующим боем, но смыть кровь, судя по всему, не успели.

Ух... Стоит оплошать хоть на секунду, и от него останется лишь фарш.

Подумав об этом, Му Хуэйфэн отвел правую ногу на полшага назад, его лицо помрачнело — он перестал дурачиться и начал действовать всерьез.

Зрители на трибунах заметили, что раб, до этого метавшийся по всей арене в безумных попытках спастись, вдруг замер. Медведь же странным образом застыл напротив него в позе противостояния.

Куда это годится? Они пришли посмотреть на смертоубийство, на фонтаны крови из разорванных человеческих тел, на ужас смертника, за которым по пятам гонится смерть! И смотреть на то, как противники стоят столбом — да это курам на смех!

Один из недовольных дворян уже собирался во весь голос обругать раба внизу, приказав ему бежать, как вдруг откуда-то извне на него накатила такая волна убийственной ауры, что у него по спине пробежали мурашки. Ощущение смертельной опасности — будто в затылок уперлось дуло пистолета — заставило его проглотить готовые сорваться с языка слова.

— А-а! — в этот момент с соседнего места донесся испуганный вскрик дамы.

Связанное страхом тело аристократа вмиг обмякло, словно с него сбросили путы. Мужчина застыл в ужасе, но даже не успел отыскать глазами обладателя того взгляда, как его задело общим хаосом, творившимся на трибунах.

— Ай!

Зажав нос руками, мужчина с удивлением уставился на ожерелье, неизвестно кем запущенное сверху. Тяжелый драгоценный камень угодил аккурат в его благородное, гордое перевершье носа.

Он уже хотел было разразиться бранью, как царившая вокруг зловещая тишина заставила его снова захлопнуть рот. Проследив за взглядами остальных зрителей, мужчина в ту же секунду забыл и про обидчика, и про того, кто сверлил его столь смертоносным взглядом.

То была тишина, способная заставить весь стадион погрузиться в абсолютный транс, и именно она стала триумфальным признанием первого в жизни Му Хуэйфэна опыта применения духовной силы.

Ужасающий горный черный медведь мутант уровня А обладал устрашающей внешностью и чудовищной силой, но Му Хуэйфэн заставил его отступить одним лишь взглядом.

Опустив руки вдоль бедер, он выпрямился во весь рост. Заливающие всю арену прожекторы подчеркивали его стать, а смазливое лицо, казалось, было подсвечено изнутри, озаряя всё вокруг.

Никаких больше ползаний на четвереньках и жалких, позорных сцен спасения.

Теперь Му Хуэйфэн держался непринужденно, неторопливо прогуливаясь по орошенной кровью арене — выглядя еще более величественно, чем сами аристократы.

И с каждым его шагом горный медведь, словно столкнувшись с куда более страшной угрозой, пятился назад.

Дальнейшее зрелище оказалось поистине занятным.

Сценарий не повторил привычный шаблон: человек отчаянно бежит от медведя, но в конце концов неизбежно гибнет в его пасти. Напротив — человек одним своим видом лишал дикого зверя мужества, свирепый хищник до смерти боялся того, кого считал добычей, и теперь панически пытался спастись бегством.

Му Хуэйфэн продолжал неспешную прогулку, а трибуны хранили гробовую тишину. Вслед за этим над ареной тяжело повисло мощное давление — незримая духовная сила заполнила специально спроектированное, закрытое со всех сторон помещение.

Точно так же, как когда-то перед лицом Пространственной сферы Ли Шэжэня, он заставил этих аристократов испытать трепет, проникающий в самые глубины души.